

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ЧУВСТВ В ВЕК СКОРОСТЕЙ

И. А. Филина

Жизнь человека начинается с чувств. Зачатие — результат чувственности. Первые дни после рождения — сплошная чувственность. Разум еще не проснулся, клетки мозга еще не дозрели, а ощущения мира уже дают первые ориентиры и первые ценности: тепло, сытость, безболезненность. Человека в течение всей его жизни наполняют самые различные ощущения и чувства, создавая устойчивые комплексы, стереотипы, традиции.

К чувственности апеллируют мифы, религиозные культы, этические учения. Формирующаяся веками культура чувств давала необходимый материал для осмысления реальности, для умозрительных построений возможного или желаемого будущего, помогала определить ценностные приоритеты и смыслы, воздвигать «храмы» духовности.

Одним словом, способы организации чувственности, уровни ее развития, аспекты реализации и другие моменты во все времена составляли весьма значительный пласт социального бытия.

* * *

Бывает достаточно нескольких беглых впечатлений от сегодняшней жизни, чтобы сделать очередной неутешительный вывод о падении нравов. Конечно, старики во все времена ругали молодежь: «Мы были не такими». И всегда бывали правы — «не такими», значит, другими. Но все ли нынче обстоит так, как всегда? Что означает «быть другими» в наше время, в начале XXI века? Какой глубины нынешний разрыв поколений и чем он усугублен?

За последние 100 лет человечество многократно увеличило:

- 1) скорости передвижения людей, перемещения товаров, денег, услуг;
- 2) скорости общения;
- 3) скорости получения информации, результатов, прогнозов;
- 4) скорости обучения

и многие другие «скорости жизни».

Казалось бы, все — как надо: темпы жизни возрастают вследствие реализации многовековых желаний человечества — получать блага быстрее, больше, проще, меньшими усилиями. Но, как известно, любые количественные изменения влекут за собой и смену качественных характеристик объектов. Нашим объектом исследования попробуем сделать культуру чувств.

1 Скорости передвижения и восприятия мира

Мир из бетона.
Мир из железа.
Аэродромный
разбойничий рокот...
Не успеваю довериться лесу.
Птицу послушать.
Ветку потрогать...

Р. Рождественский

Восприятие природы, людей, ситуаций зависит, в первую очередь, от того, как (неспешно или впопыхах) осуществляется этот процесс. Идя пешком, мы успеваем и всмотреться, и вдуматься в окружающее. Стоит воспользоваться каким-либо средством передвижения, как темпы и качество восприятия меняются. Сначала это не слишком было заметно: если ехать на запряженной лошадью повозке с сеном, то, пожевывая травинку, вполне успеваешь еще рассмотреть и облака, и листочки, и птичек, успеваешь ощутить себя частью огромного мира, поразиться его огромности, возрадоваться от того, что ты есть, поразмышлять о других мирах и прочее. Ощущения в современном автомобиле уже совершенно иные: пространство сплющивается до однотипного мелькания, а время пребывания в стадии «мелькания», хоть и сокращается, но влечет за собой быстрое утомление от такого процесса восприятия мира и не располагает к философским размышлениям ввиду минимума новых впечатлений. Не возникает уже никаких умозрительных конструкций по поводу безбрежности мироздания или гармонии человека с природой. Главное — успевать реагировать на чисто механические ситуации самого процесса движения. Самое стран-

ное, что впечатления теперь даже измеряют . . . количеством адреналина, называют «драйвом», в то время как вечные чувства (восхищение, трепет, ожидание, удивление и другие) и измерить-то в сущности невозможно. Скоростные поезда, самолеты вообще отвлекают внимание от «лесов, полей и рек», переключают его на внутренние условия комфорта передвижения. Вам предложат и полежать, и почитать, и поесть-попить, в результате чего восприятие мира будет осуществляться в ракурсе материальных благ и удобств.

Изменения пространственно-временных координат восприятия мира в сторону увеличения скоростей дает обратный эффект в плане его результатов (разнообразия, насыщенности, глубины, яркости). Скудность этих результатов не может, естественно, обогатить чувственность человека. С одной стороны, общий эмпирический опыт, несомненно, множится как культура навыков, приспособлений, рациональных решений, но, с другой стороны, культура чувств не получает должной «подпитки» и не развивается так, как прежде. Освальд Шпенглер еще в 30-е годы XX века в книге «Человек и техника» утверждал, что люди постепенно становятся рабами машин. Техника вовлекает всех нас, помимо нашего желания, в свой бег, подчиняет собственному ритму. И в этой бешеной гонке человек, считающий себя властелином мира, будет загнан насмерть. Пессимизм Шпенглера оправдан ныне тем, что мы, действительно, убиваем в себе лучшие чувства «в зародыше», не давая им взрасти, вызреть, обогатиться содержанием неспешных впечатлений. «Скоростные» впечатления оседают, в лучшем случае, в мозгу, но сердечных глубин они, к сожалению, не затрагивают. Из-за спешки мы поверхностно воспринимаем не только мир природы, но и мир людей, загоняя общение с близкими, с детьми, с друзьями в форматы долга, комфорта, а то и — «удобного» равнодушия.

2 Скорости общения

Снова меняю версты на мили.
По телефону Москву вызываю . . .
Женщину,
самую лучшую в мире,
сделать счастливой не успеваю!..
Р. Рождественский

Нет слов, до чего удобен, к примеру, мобильный телефон! Особенно для влюбленных. Если раньше долгая разлука, неизвестность порождали тревогу, волнения, переживания и домыслы, то возможность

мгновенной связи оберегает от лишних страданий. Хорошо ли это? С точки зрения информированности и спокойствия за ближнего — несомненно. С точки же зрения глубины чувств — проблемно. Ведь отсутствие связи и одно лишь *мысленное* общение оттачивало чувства и обостряло любовь. Письменная весточка озаряла сердце на долгие новые месяцы разлуки, давала веру и надежду, а долгожданная встреча обретала уже значение почти космического счастья. Светлые чувства, успевшие *созреть* в разлуке, служили мощной опорой семейной жизни. Пребывая в неведении, в ожидании, душа, хоть и страдает, но очищается от несущественного, неглавного, формального и учиться «зреть в корень», ценить существенное, дорожить главным и прощать то самое «несущественное», мелочи. Разлука воспитывает терпение, сдержанность, умение хранить тайны, дорожить доверием, укрепляет дух.

Большое видится на расстоянии — давно проверенная истина. Если расстояния нет или оно виртуально, условно, то «большого» можно не увидеть совсем. Не говоря уже о том, чтобы самому *создать* его, *взрастить* в своей душе. Ежеминутная возможность общения, обмен фразами типа «Как ты? — О'кей!» заполняет взаимное пространственно-временное существование мелочами, конкретикой, такой «мозаикой», которая, увы, не создает целостной панорамы чувственных отношений. Это отсутствие целостности, «концептуальности» делает очень ломкой саму «мозаику» общения. Не спасает даже пылкость юношеских страстей — она быстро выветривается, «проваливается» в первобытность.

Электронная почта несет в себе, по сути, те же проблемы, поскольку предназначена для «скоростного» общения. Она не срабатывает как культура дозревания чувств, оттачивания высокого стиля общения, изысканности выражений высоких и светлых порывов души.

Скорости восприятия мира в позапрошлом веке обуславливали и соответствующие скорости писания и чтения. Деятнадцатый век считается «серебряным», пожалуй, потому, что достиг *оптимального* сочетания скоростей, чувств и письма. Далее уже технический прогресс и ускорение темпов жизни стали шириться за счет убытия и усреднения чувств, упрощения языка (от изящной словесности к рационально-прагматическим формам), идеализации простоты пролетарской «культуры» и т.д. Двадцатый век полон самых различных и очень непростых социально-политических, идеологических и прочих коллизий. Однако в целом ускорение темпов жизни состоялось бесповоротно.

3 Скорости получения информации

В душном вагоне —
 будто в горниле.
 В дом возвращаюсь.
 Дверь открываю.
 Книги
 квартиру заполнили.
 Я прочитать их
 не успеваю!

Р. Рождественский

Когда-то давно, и не одно тысячелетие, информация существовала в донаучной форме (мифы, магия, табу, оккультная практика, эмпирический опыт). Эти знания передавались узуальным путем: из уст в уста, от учителя к ученику, от мастера к подмастерью по принципу «делай, как я» или «помни, как я» (по отношению к обычаям, традициям и верованиям).

«Узуальная» (от лат. *usus* — пользование) культура информации начинается где-то в глубинах дописьменных времен. «Книжная» культура информации начинает свой отсчет приблизительно с IV тысячелетия до н.э. В современном постиндустриальном, информационно-техническом обществе все большее значение стремительно приобретает «экранная» культура информации.

Каждый из типов культуры информации опирается на свой чувственный опыт, точнее — морально-чувственный опыт. Например, «узуальная» культура порождает чувство уважения к мастеру, к наставнику, к старшему вообще (как к носителю опыта, к мудрецу), чувство благодарности «за науку», чувство ответственности (не «посрамить» себя и учителя) и так далее.

«Книжная» культура, хоть и стала доминирующей со времени начала книгопечатания, также еще не утрачивает личный контакт с другим человеком — учителем, мудрецом, наставником. И сама книга, как ни один другой источник информации, несет не только знания, но и мудрость, учит пониманию смыслов существования. Общей же спецификой «книжной» культуры является приобщение к «иным мирам», созданным творческим разумом или воображением человека. Чтение книг развивает глубины как разума, так и чувств. При чем особое место в воспитании чувств принадлежит художественной книге. «Иные миры» художественной литературы можно *непешно переживать*, сочувствуя героям. Погружаясь в них, можно негодовать и плакать, радоваться и вдохновляться, учиться стойкости или терпе-

нию. Через образы, диалоги, сюжеты можно «прожить» чужую жизнь, «примерить» на себя многие ситуации, испытать собственную моральную прочность, достроить в воображении другие развязки произведений и прочее. Вся эта внутренняя работа души всегда была полезной и плодотворной для самой мыслящей личности. Вспомним хотя бы Пушкина: «Что за прелесть эти уездные барышни!.. Уединение, свобода и чтение рано развивают в них чувства и страсти. . . Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохой в жизни. . . » («Барышня-крестьянка»). Развита чувственность становилась основой общей моральности человека. Главные ценности гуманизма (добро, справедливость, достоинство, счастье) все родом из чувственности, и именно они создают особую опору всей культуры чувств — духовность.

Нынче возросли и объемы печатной продукции, и скорости чтения. И вновь количественные параметры определяют качество процесса приобщения к книжной культуре. Ведь что мы читаем? В первую очередь, — учебную, научную, публицистическую, специальную литературу. Нам требуются знания сиюминутные, полезные и нужные сейчас, а не «вообще». Вечные ценности, воплощенные в художественных произведениях, часто остаются невостребованными, считаются надуманными, нежизненными, такими, которые не соответствуют «реальным» измерениям жизни, на которых не стоит «заикливаться». Ввиду общего ускорения темпов жизни сам процесс чтения становится чисто рациональным отбором информации или простым слежением за сюжетной линией, всякие там описания природы, лирические отступления, рассуждения и метания героев безжалостно пропускаются как «лишнее». Более того, если все же запрос на вечные ценности и имеет место, немаловажным обстоятельством выступают и способы их усвоения. К сожалению, ушли в прошлое семейные чтения книг за круглым столом с самоваром, где как минимум три поколения семьи объединялись не только светом одной керосиновой лампы, но и общей атмосферой восприятия и оценки одних и тех же событий. Можно было соотнести, сопоставить, обсудить мнения всех членов семьи о прочитанном, получить советы или моральные наставления. Нынче сам семейный «круг» расколот разными центробежными силами: поколения стараются отделиться друг от друга, жить автономно; даже количества членов семьи просто не хватает, чтобы создать этот самый «круг». Чаще всего имеется треугольник «папа–мама–ребенок», каждый из которых, в свою очередь, стремится в свою «нишу», где главными «собеседниками» становятся коллеги, начальники, друзья,

телевизор, компьютер, престижные журналы и т. д. Культура чувств детей формируется не столько моральным опытом поколений, сколько сиюминутными ценностями общественного мнения.

«Экранная» культура создается и совершенствуется на основе аудиовизуальной техники и соединении компьютера с новейшими способами связи. Производство, сохранение, передача и использование информации происходит на принципиально иной технологической основе, что приводит к коренным изменениям во всех отраслях и сферах современного общества. Личный контакт с источником информации становится совершенно другим. «Экранная» культура теснит «книжную» по всем позициям: по простоте и доступности (не надо ходить в библиотеку), по объемам информации, по скорости отыскания нужных сведений. Поскольку за все и всегда приходится чем-то расплачиваться, то и в данном случае за весь комплекс удобств человечество «платит по счетам».

Как известно, количество приложенных умственных усилий обуславливает определенное качество знания. «Качественные скачки» в саморазвитии человека, работающего с книгами, происходят значительно раньше, чем у того, кто «подсел» на компьютер. Освоение книжной информации формирует вкус поиска, интерес к самому процессу мышления параллельно с автором, удовольствие от рождения собственных мыслей, ассоциаций, суждений и выводов, которые успевают возникнуть и оформиться при *книжных скоростях* поиска. Количество же экранной информации, а главное — скорости перемещения в информационном поле такого результата не дают. Вкус поиска информации становится совсем другим, более азартным, а само пребывание в океане информации уподобляется наркотической зависимости. Однако тотальная компьютеризация является закономерным проявлением так называемой «массовой» культуры, отрицать которую бессмысленно. Носителем, а также своеобразной «продукцией» массовой компьютеризированной культуры оказывается, к сожалению, такой же массовый *потребитель*. Сам потребитель — закономерный результат воплощения вековой мечты человечества «больше — быстрее — легче». Реализация желания добычи информации *меньшими* усилиями приводит к сокращению числа самостоятельно мыслящих «светлых голов» и к увеличению числа пользователей. Ежегодно на студенческих потоках можно констатировать снижение процента молодых людей, стремящихся по-настоящему глубоко и основательно овладеть науками.

Приоритет «книжной» культуры информации проявляется и в том, что она сохраняет богатство языка, и приобщение к книгам дает по-

зитивные результаты для языкового общения. Книги учат красивой и правильной речи, обогащают словарный потенциал личности, возвышают до *должного* уровня общения с другими людьми. «Экранная» культура информации опирается на более рационализированный язык, ибо ее главная функция — эту информацию передать, не заботясь о чувствах или впечатлениях от нее. Именно это делает язык более «деловым», упрощает его, лишает богатства оттенков значений, метафор, гипербол и других языковых форм, обращенных преимущественно к душе, воображению, чувствам, а не только к разуму. *А упрощенная речь влечет за собой упрощенное общение, упрощенные чувства, упрощенные ценности...* Современные люди разучились писать письма, пренебрегают поэзией, не умеют ясно выразить свои мысли или даже просто последовательно и логично пересказать чью-то идеи, концепции, любой теоретический материал. SMS-ки вообще стали символом упрощенности жизни: *глубокие чувства и глубокие мысли не умещаются в «удобные форматы»*. За удобство и комфортность *форм* мы расплачиваемся утратой *содержательности* наших чувств и мыслей — именно в этом состоит грустная диалектика жизни как последствие сложного взаимодействия «книжной» и «экранной» культур информации.

4 Скорости обучения

Знаю,
 что скоро метели подуют.
От непонятной хандры
изнываю...
Надо бы
 попросту сесть и подумать!
Надо бы...
Надо бы...
Не успеваю!

Р. Рождественский

Мы оказались на своеобразном «изломе» в нынешнем контакте «книжной» и «экранной» культур информации. Ситуация возникла сложная и требует основательного осмысления, поскольку каждая из культур имеет свои достоинства и недостатки. Нас эта проблема существования двух культур интересует прежде всего в прикладном аспекте: как обучать? Получилось так, что те, кто учит — это «дети» в основном «книжной» культуры, которые приобрели свои знания именно из книг, ибо один телевизор с двумя-тремя каналами еще не

составлял в 70-80-х годах конкуренции библиотекам. А те, кого приходится учить, — уже дети «экранной» культуры, рожденные в эпоху многоканального телевидения, Интернета, мобильной связи. Все эти обстоятельства не могут не порождать проблем в области технологий и методик обучения. Преподаватель, учитель уже не может оставаться «сеятелем разумного, доброго, вечного», его предназначение теперь — быть «тьютером», проводником, руководителем в океане информации.

Накопление информации из века в век закономерно порождало проблемы методики ее освоения. Нынешние объемы информации таковы, что ее никак нельзя втиснуть в одну голову. Если в эпоху Возрождения (идеалом которой была всесторонне образованная *личность*) вполне возможно было изучить грамматику, математику, философию, архитектуру, механику, оптику, медицину и прочее одному человеку, то нынче самих наук столько, что вряд ли найдется способный их только перечислить. Личность была и остается целью обучения и просвещения: чтобы стать личностью, нужно *образовать*, сформировать себя, используя плоды всеобщего просвещения.

Профилирование обучения и узкая специализация — это тоже вполне закономерные плоды просвещения. И, в качестве дани этим плодам, продолжается как процесс дальнейшего углубления и деления информационных потоков, так и процесс «прессования» школьных и вузовских программ, чтобы соответствовать принципу «больше и *быстрее*», а вся система образования пребывает в состоянии перманентного реформирования.

Что мы имеем сейчас в средней и высшей школе согласно этому самому «больше и быстрее»?

Школьники младших классов очень недолго выводят буквы в тетрадах со специальными линейками. Почерк детей не только не шлифуется, но и не формируется вообще: некогда. Кому, спрашивается? С пятого класса почти по всем предметам требуются конспекты, которые, если пишутся на уроке, а не дома, прочитать сложно. В итоге получаем низкую культуру письма, не в смысле наличия грамматических ошибок, а в смысле читаемости, возможности прочтения. *Не закладывается уважение к тому, кто будет читать написанное*, культивируется чувство небрежности: «и так сойдет, лишь бы было».

Все меньше остается в средней школе учителей, которые требуют от детей пересказа прочитанного материала, свободного его изложения. Возиться с каждым учеником долго и нерационально. Тесты — гораздо быстрее и удобнее: все имеют оценки по каждой теме, причем оценки можно пересдавать. Трудно возражать по поводу такой орга-

низации контроля знаний. Но если тестирование превращается в своеобразный культ, тогда ущербности в образовании не избежать. Сами дети очень полюбили разные «угадайки», поскольку они не требуют такого напряжения мыслительной деятельности, которое нужно для пересказа всего учебного материала, для умения выделить основное в содержании, для того, чтобы найти и сжато передать суть, сохранить в уме логическую последовательность, подобрать аргументацию, привести пример и так далее. Дети разучиваются *говорить*, толково высказывать свое мнение, убеждать *словом*. Эмоции выплескиваются не в слова, а сразу в действия (а если и в слова, то — в непечатные, в лучшем случае — в междометия). Бывшие школьники, то есть нынешние студенты все чаще просят не спрашивать их устно, а дать письменное задание, лучше — тесты. Они уже реально «подсели» на тесты как на удобный учебный формат. Откуда взяться культуре слова, если культура мысли практически не формируется?

Если взглянуть на чисто рациональный аспект проблемы, а именно эффективность усвоения информации, то и в этом плане «книжная» культура дает больше. Так, подготовка реферата или обычного тематического вопроса для семинара из книжных источников требует от студента *больших усилий*: нужно найти информацию, прочитать, собственноручно законспектировать, еще раз прочитать, добавить свой комментарий, свободно изложить тему на занятии. Материал, вследствие стольких усилий, обрабатывается дважды или трижды, хорошо усваивается, дольше остается в памяти. «Экранная» культура как источник информации соблазняет своими удобствами: главное — найти нужную информацию, а остальное сделает принтер. Конспектирование как самое продуктивное звено обучения при этом выпадает. Поэтому все больше становится студентов, пытающихся просто зачитывать распечатанный материал, даже не пытаясь его пересказать. Отсюда вытекают неумение анализировать, сравнивать, делать обобщения и выводы. В современном студенческом менталитете утвердилось мнение: готов к семинару — это значит, что имеешь текст, который можешь озвучить. Необходимые удобства современной жизни (ксероксы, принтеры, факсы) все-таки сильно «расслабляют» студенчество.

Есть еще один немаловажный момент, упрощающий и процесс обучения, и процесс личного восприятия «плодов просвещения». Это различные дайджесты, ставшие очень популярными особенно при изучении объемных художественных произведений. Например, «Война и мир» Л. Толстого занимает чуть больше 20 страниц, где просто перечислены действия героев (кто куда приехал, кто кого полюбил, кто

кому что сказал и прочее), но не их размышления, чувства, терзания и сомнения. Обогатить собственный душевный мир с помощью такого «компакт-пакета», естественно, невозможно. Но самое печальное то, что выпускают дайджесты для самых маленьких, вернее для их спешащих родителей (российское издательство «Росмен», украинское «Махаон»). Лучшие сказки мира «Дюймовочка», «Бэмби», «Русалочка» и многие другие, изложенные в формате «действия», не закладывают элементарных человеческих чувств, которые возникают при чтении этих сказок в первоисточнике. В душе ребенка не рождаются ни сочувствие, ни жалость, ни сострадание, ни восхищение. Ребенку в самом деле непонятно, чего Русалочка так «запала» на принца, зачем отдала свои волосы и голос ведьме, зачем согласилась обменять свой хвост на две ноги? Это вопросы детсадовцев, которым настоящего Андерсена не читали. А ведь давно известно, что личность формируют литература, живопись, музыка, философия, то есть сферы культуры, обращенные прежде всего к чувственности через призму красоты и нравственности.

Если культура чувств не формируется должным, классическим образом, нельзя надеяться на «само-собой-формирование» духовности личности. Обращение к вечному, к классике — испытанный и проверенный путь. Но именно он-то и *проигрывает по скоростям* нынешним форматам обучения, потому что требует больших усилий, большей глубины чувств, большего терпения, а в итоге — большего времени.

* * *

Классика — это то, что остается постоянным в мировой культурной традиции, продолжает участвовать в жизни культуры новых поколений. А главное — она воспитывает, делает чище, содержательнее каждого человека, который приобщается к ней, «причащается классикой». К классике относятся тысячи произведений музыки, скульптуры, живописи, литературы. Литература позволяет прожить в чувствах не одну жизнь, развивает воображение, учит отличать добро от зла; поэзия обогащает лирическим опытом, врачует чувства; музыка пробуждает потаенные, тонкие пласты чувственности, почти невыразимые словом, и так далее. Культурный человек — это не тот, кто просто читал, смотрел и слушал, а тот, кто обогатился всем этим, кому открылись глубины чувств и мыслей минувших веков, душевная

жизнь других, кто научился понимать чужое, приобрел уважение к другим народам, традициям, верованиям, кто одолел в себе эмпирическую настороженность и агрессивность к иному.

Агрессивность — главный признак бескультурья чувств. Давно известна мудрость: ничем не засеянное поле сорняком зарастает. Всякая душевная пустота срывается на агрессию. Самоутверждение бездуховного индивида не может происходить спокойно, без рывков зависти или беспричинной мести более успешным личностям. Таким индивидом движут примитивные чувства. Ребенок, которому сразу сообщили, что бабочки — вредные существа, забыв обратить его внимание на их красоту, будет и в дальнейшем вполне целенаправленно выискивать других «вредных» существ. «Кого б еще вредного задавить», а не «кому б помочь, посочувствовать» — становится незаметно принципом жизни. Уже мало кого волнует это самое «птичку жалко». Агрессивное самоутверждение становится, к сожалению, нормой жизни. Отсутствие или ущербность позитивного содержания личности выплескивается через внешние примитивные формы: драки, в которых демонстрируется эрзац-храбрость, брань с «эрзац-формулами» добра и зла, стадность общения, разные шумовые эффекты (от петард до «тяжелого» рока), которыми маскируется внутренняя пустота. Например, современные дискотеки отсекают саму возможность нормального межличностного общения: громкая музыка не может навеять здоровой атмосферы взаимопонимания, она лишь нагнетает все ту же агрессию мощностью динамиков, какофонией звуков, подчиненных не классическим законам гармонии, а лишь — ритмам первобытных времен.

У значительной части молодежи нет целостного мировоззрения — его заменяют упрощенные концепции жизни, опирающиеся на силу, хитрость, наглость, ловкость и исключаящие сочувствие, понимание, искренность, щедрость, любовь. Сегодняшняя реальность — падение роли духовной культуры, угасание интереса к высшим ступеням культуры, отсутствие простого знания того, что такое культура, наконец, сужение поля элементарной общей осведомленности (кроме узкоспециализированных областей).

Нам в свое время очень навредила вульгарно понимаемая формула «бытие определяет сознание». На первом плане пребывали экономика («накормить»), техника («облегчить и защитить»), наука («придумать, как накормить, облегчить и защитить»). Культура обрекалась на печально известный «остаточный принцип», и массовое сознание апеллировало вовсе не к культуре личности или народа. Общественная психология и идеология реализовались совсем другими путями:

от естества насущных потребностей и первобытных чувств до навязываемых властью трафаретов и штампов мышления. До культуры чувств, вроде бы, никому не было дела. Однако, если просто сравнивать, к примеру, 50-60-е годы и 80-90-е, то нельзя не согласиться, что раньше люди были и скромнее, и душевнее, и надежнее, и искреннее. Нынешний же шаманизм массовой культуры откровенно и назойливо насаждает простоту и раскованность поведения как символы «свободы». Особенно старается реклама. Она вообще символизирует тотальное расслабление, муссируя первобытные чувства и потребности. «Бёрнс — «Попробуй, на что ты способен!» — так рекламируется для молодежи «зажигательный» напиток из неизвестных компонентов. И потные, полуголые молодые люди извиваются в танце вокруг костра. «Быстро проходит все, кроме мобильной связи „Джинс“!» И юноша с девушкой во время дискотеки всего на пару минут заходят в один туалет. . . Это уже предел аморальности. Вернее, ее беспредел. «Не тормози! Сникерсни в своем формате!» — закликает реклама. Здесь-то и выплывает наружу весь подспудный смысл нынешней массовой культуры чувств: не останавливаться, не сбавлять *скоростей* потребления благ! Спрашивается, кому это нужно, чтобы никто не успевал остановиться, оглядеться, одуматься, прочувствовать собственное существование? Мартин Хайдеггер все-таки сто раз прав: «неистинное» существование поглощает нас больше и больше, мы превращаемся в безличностных манекенов, поскольку *не успеваем* осмыслить поток собственной жизни. Ее наводняют телевизоры с рекламой, компьютеры, тесты, дайджесты, скоростные лифты, автомобили, поезда. Но цивилизация со всеми ее скоростями, удобствами, «кнопками комфорта» и культура как «храм духа», как мера развития человека — вещи, к сожалению, разные.